

Понятие намерения в философии действия Элизабет Энском

Александр Мишура

Кандидат философских наук, преподаватель Школы философии
факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: alex.mishura@gmail.com

Данная статья посвящена анализу теории действия Элизабет Энском. В наиболее полной форме эта теория была представлена в книге «Намерение» (1957), ставшей философской классикой XX века. Именно «Намерение» сформировало круг проблем и вопросов, которые во многом определили дальнейшее развитие аналитической философии действия. Однако понимание чрезвычайно сложного текста «Намерения» требует комплексного знания биографического контекста написания книги, специфики методологии Энском, концепций, оказавших существенное влияние на становление философии Энском. Цель данной статьи — реконструировать теорию намеренного действия, как она представлена в книге «Намерение» с учетом данного контекста. В первой части статьи представлены краткие биографические сведения о жизни Энском, обрисован социальный и философский контекст, в котором была написана книга «Намерение», указано место теории действия в структуре философии Энском, проанализированы основные характеристики ее философского метода. Во второй части эксплицируется базовая структура книги «Намерение», формулируется основная цель исследования, реконструируются центральные ходы рассуждения и аргументы Энском, выделяются тезисы и вопросы, оказавшие существенное влияние на становление и развитие аналитической философии действия. В заключении рассматривается значение теории действия Энском в контексте развития аналитической философии действия конца XX — начала XXI века. Произведенная реконструкция демонстрирует, что теория Энском позволяет пройти между крайностями различных версий картезианского дуализма, с одной стороны, и полным отрицанием значимости ментального в теории действия — с другой.

Ключевые слова: Э. Энском, философия действия, действие, намерение, намеренное действие, интенция

Книга «Намерение» (1957) Гертруды Элизабет Маргарет Энском (1919–2001) занимает особое место в истории аналитической философии. Во-первых, с этой книги начинается история аналитической философии действия (Stoutland, 2011: 5;

© Мишура А. С., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-87-114

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-05-0040) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Wiseman, 2016: 21). Разумеется, соответствующая проблематика интересовала представителей аналитической традиции и до выхода «Намерения»¹. Однако именно Энском сформулировала ряд вопросов, которые впоследствии структурировали проблемное поле философии действия². Во-вторых, Энском нашла оригинальную оптику³ рассмотрения классических проблем теории действия на основе методов философии языка (Davidson, 2005: 283)⁴. В-третьих, история сложилась так, что идеи Энском получили развитие в том направлении, в котором этого, вероятно, менее всего ожидала их автор. Американский философ, ученик У. В. О. Куайна, Дональд Дэвидсон использовал теоретический аппарат, разработанный в «Намерении», чтобы обосновать во многом противоположный базовым интуициям Энском каузалистский подход к пониманию действия. Каузальная теория действия⁵ Дэвидсона стала чрезвычайно популярна в англо-американской философии. Однако подход Энском служил и продолжает служить источником вдохновения для философов, принципиально не согласных с каузалистским истолкованием природы действия⁶.

Между тем если теория Дэвидсона стала фактически мейнстримом аналитической философии действия, то книга Энском была и остается работой, о которой многие слышали, но в которой мало кто дал себе труд разобраться (Stoutland,

1. Отдельно стоит упомянуть три работы «Понятие сознания» Г. Райла (Райл, 1999), «Требование извиниться» Дж. Л. Остина (Austin, 1957) и «Законы и объяснения в истории» У. Дрея (Dray, 1957). Последние две вышли практически одновременно с работой Энском. Кроме того, проблематика философии действия многократно затрагивается во многих заметках позднего Витгенштейна (Scott, 1996). Отдельного упоминания также заслуживает работа Питера Уинча, который разрабатывает во многом схожий с теорией Энском подход к анализу действия (Winch, 1958).

2. Р. Вайзман выделяет три таких вопроса: 1) об условиях тождества действия; 2) об отношении между основаниями (reasons) и действиями; 3) о связи между намерением к действию, намеренным действием и основанием в пользу действия (Wiseman, 2016: 21–22).

3. Пожалуй, ключевую роль здесь сыграли артикуляция и анализ различия между действием как единичным реальным объектом, с одной стороны, и множеством возможных описаний (дескрипций) этого объекта — с другой. Именно эта оптика позволяет поставить вопрос о связи некоторых из этих описаний с логикой практик, в которых они функционируют.

4. Конечно, методы философии языка применялись к анализу действия и до Энском, достаточно вспомнить уже упомянутых Витгенштейна, Райла и Остина. Однако именно результаты исследований Энском *de facto* определили повестку аналитической философии действия, начиная с теории действия Д. Дэвидсона и заканчивая современным положением дел (обзор истории становления аналитической философии действия см.: D'Oro, Sandis, 2013).

5. Основа каузальной теории действия может быть сформулирована в двух тезисах: 1) действие определяется через причины (является ли нечто действием, зависит от причин этого нечто); 2) причины действия являются его основаниями и рационализируют его. В первоначальной версии каузальной теории действия Дэвидсона причинами действия являются первичные основания (primary reasons), состоящие из: 1) установки в пользу действия (желания в широком смысле) и 2) убеждения, что некоторый вид действий обладает желаемой характеристикой. Установка и убеждение позволяют дать рациональное объяснение того, почему действие было совершено. К примеру: «Я хочу поспать» и «Чтобы поспать, надо лечь в кровать» рационализируют действие «Я лег в кровать». При этом желание и убеждение в качестве ментальных состояний одновременно являются причинами действия.

6. Из последних работ сторонников антикаузализма стоит упомянуть книгу Майкла Томпсона «Жизнь и действие» (Thompson, 2008), у которой есть все шансы стать классикой аналитической философии действия.

2011: 1). На передней обложке самого популярного гарвардского издания «Намерения» напечатана чрезвычайно комплиментарная оценка Дэвидсона: «Самое важное исследование действия со времен Аристотеля». Однако на задней обложке того же издания можно прочесть фразу Дэвида Велемана, которая начинается следующим образом: «Часто цитируемая, иногда читаемая, редко понятая...» (Anscombe, 2000). Надо признать, что ответственность за непонятность книги во многом лежит на авторе. После первого прочтения «Намерение» оставляет весьма тягостное впечатление. Самый внимательный и сосредоточенный читатель будет буквально на каждой странице в недоумении, пытаюсь понять: что мог бы означать поставленный вопрос? Для чего приводится данный пример? Какова позиция самого автора по разбираемому вопросу? Каково место этого параграфа в общем нарративе книги? Соответствующие сложности связаны главным образом с методологическими установками Энском. Она не пытается сперва обрисовать некоторую схему, а затем показать ее эффективность при решении тех или иных головоломок. Движение происходит в обратном направлении: сначала мы встречаем великое множество ситуаций, в которых работает понятие намерения, и только затем медленно и с большим напряжением автор начинает обрисовывать порядок, который стоит за этой цветущей сложностью. Читателя, впервые сталкивающегося с чрезвычайно темным текстом «Намерения», можно несколько обнадежить тем, что в итоге Энском все же обнаружит единую логику, грамматику намерения. Правда, понять эту грамматику, посмотрев последние пару параграфов книги, просто невозможно.

Цель данной статьи — представить читателю теорию намеренного действия Элизабет Энском как она изложена в книге «Намерение». При этом мы исходим из гипотезы, что за книгой стоит определенный план, это произведение вполне последовательное и законченное. Оно не является неким предварительным наброском, нуждающимся в «полировке» и доведении до ума⁷. Одна из наших задач будет состоять в том, чтобы эксплицировать общую схему рассуждения в «Намерении», знание которой позволит читателю чувствовать себя хоть немного увереннее при столкновении с оригиналом⁸. Далее, для нас важно, с одной стороны, зафиксировать те ходы мысли, которые фактически оказали значительное влияние на развитие аналитической философии действия, в том числе на возникновение каузальной теории действия. С другой стороны, представить теорию Энском в качестве самостоятельного подхода к анализу действия, а не просто предварительного этапа развития каузальной теории действия. Кроме того, поскольку фигура Энском остается малоизученной в отечественной философской литературе⁹,

7. Мнение о черновом характере «Намерения» высказал один из первых рецензентов книги (Heath, 1960: 281).

8. Уместно оговориться, что данная статья не может и не стремится заменить чтение книги. Скорее, это такая работа, которую ее автор хотел бы сам прочесть перед тем, как выйти один на один с текстом «Намерения».

9. Нам удалось найти лишь одну статью, в которой обсуждаются самые общие аспекты моральной философии Энском (Артемьева, 2005).

представляется необходимым дать некоторые общие сведения о биографии Энском, специфике ее философского метода, а также месте «Намерений» в общей структуре ее философии.

В соответствии с этими задачами работа разделена на две части. В первой будут представлены краткие биографические сведения о жизни Энском, обрисован в самых общих чертах социальный и философский контекст, в котором была написана книга «Намерение», указано место теории действия в философии Энском, а также основные характеристики ее философского метода. Во второй части будет описана структура книги «Намерение», воспроизведены основные ходы рассуждения и аргументы Энском, а также эксплицированы результаты ее исследования¹⁰.

I

Гертруда Элизабет Маргарет Энском родилась в ирландском городе Лимерик 18 марта 1919 года в семье Алана Велса и Гертруды Элизабет Энском. Вскоре после рождения Элизабет семья переехала в Британию. Отец семейства работал школьным учителем, мать — директором школы (Teichmann, 2008: 2). В подростковом возрасте Энском принимает крещение в католической церкви¹¹ и остается в ней всю последующую жизнь. В том же возрасте чтение книги «Естественная теология» (Natural Theology) неизвестного автора впервые пробудило у Энском интерес к философским вопросам (Anscombe, 1981: vii).

В 1938 году Энском поступает в Оксфорд, где изучает классическую филологию в колледже Св. Хью¹². В Оксфорде Энском знакомится с Питером Гичем, молодым католиком, а впоследствии знаменитым аналитическим философом. Энском и Гич поженились в 1941 году и прожили вместе всю жизнь. У «Гичкомбов» родилось семь детей, что не помешало Энском опубликовать великое множество работ,

10. Стоит отметить, что в своем изложении мы старались учитывать актуальное состояние исследований философии Энском. В числе недавних монографий, посвященных ее философии, необходимо упомянуть наиболее часто цитируемую работу Р. Тейчмана «Философия Элизабет Энском» (Teichmann, 2008), книгу о «Намерении» С. Бэйна (Bayne, 2010), работу Д. Рихтера о моральной философии Энском (Richter, 2011), недавно вышедшее «Раутледжское руководство по намерению» Р. Вайзмана (Wiseman, 2016), а также сборник статей, посвященных намерению (Ford, Hornsby, Stoutland, 2011). С другой стороны, обнаруженные нами во вторичной литературе интерпретации ряда аргументов Энском (к примеру, аргумента из параграфа 20) представляются не вполне удовлетворительными. Чтобы не перегружать и без того объемную статью полемикой с альтернативными интерпретациями, мы постарались представить целостную реконструкцию рассуждения Энском, которая во многом согласуется с уже имеющимися интерпретациями, но включает более детальную реконструкцию некоторых, с нашей точки зрения, важных мест «Намерения».

11. Дочь Энском Мэри Гич пишет о влиянии на обращение в католичество Энском книг Г. К. Честертона (Geach, 2008: xvii).

12. В книге «Философия Элизабет Энском» Р. Тейчман приводит курьезный случай из биографии Энском. На выпускных экзаменах Энском написала блестящую работу по философии и полностью, с треском, провалила экзамен по древней истории. Однако философы буквально уговорили историков дать ей высшую степень (First class degree) см.: Teichmann, 2008: 2–3.

включая написанную в соавторстве с Питером Гичем книгу «Три философа» об Аристотеле, Фоме Аквинском и Готтлобе Фреге (Anscombe, Geach, 1961)¹³.

После окончания университета в 1941 году Энском еще год провела в Оксфорде, а затем отправилась в Кембридж, где посещала лекции Людвиг Витгенштейна. Именно встреча и последующее общение с Витгенштейном оказало решающее влияние на становление ее собственной философии (Anscombe, 1981: ix). Витгенштейн показал Энском, как можно преодолеть эпистемологию феноменализма, которую она сама впоследствии не раз будет критиковать:

Я могла бы годами сидеть в кафе, таращиться на вещи и спрашивать себя: «Я вижу пакет. Но что я реально вижу? Как я могу утверждать, что вижу здесь нечто большее, чем желтую протяженность?»... Я всегда ненавидела феноменализм и чувствовала себя в его ловушке. При этом, хотя я в него и не верила, было неясно, как из него вырваться. Без толку было указывать на связанные с этой позицией затруднения, к примеру, на проблемы, обнаруженные Расселом. Сила, главный нерв феноменализма жил и причинял мучительную боль. Только на занятиях Витгенштейна в 1944-м я увидела, как этот нерв извлекается, как победоносно громят центральную мысль «Мне дано вот *это*, и я определяю „желтый“ (к примеру) как вот *это*». (Anscombe, 1981: viii)

Энском и Витгенштейн стали дружить. При этом Витгенштейн называл Энском «старик» (old man) и однажды, когда в учебной аудитории из женщин осталась одна Энском¹⁴, сказал: «Слава Богу, мы избавились от женщин!» (Monk, 1990: 498). Пока Витгенштейн был жив, Энском постоянно курсировала между Оксфордом¹⁵ (куда по ее приглашению приезжал и Витгенштейн) и Кембриджем. После его смерти Энском стала одной из распорядителей рукописного наследия Витгенштейна (вместе с Р. Ризом и Г. Х. Вригтом). Она перевела на английский язык «Философские исследования», «О достоверности», «Заметки об основаниях математики», «Zettel» и дневники Витгенштейна времен написания «Трактата» (1914–1916). Кроме того, Энском написала знаменитое «Введение к Логико-философскому трактату» (Anscombe, 1959). С 1970 по 1986 год Энском занимала в Кембридже ту же кафедру, которую занимал Витгенштейн, а после смерти в 2001 году была похоронена в соседней могиле (Teichmann, 2008: 8).

13. Множество биографических деталей и забавных анекдотов о жизни Энском можно почерпнуть из введений к томам полного собрания ее сочинений, написанных дочерью Энском Мэри Гич, а также многочисленных некрологов (Dummett, 2001; Foot, 2001; O'Grady, 2001). К примеру, Энском любила носить штаны, что в 1950-е годы отнюдь не было нормой для женщин. Когда в одном кафе ей сказали, что женщин в штанах сюда не пускают, она их сняла (O'Grady, 2001).

14. Стоит отметить, что Энском носила монокль, а также курила сигары и трубку. С сигаретой и трубкой связан еще один анекдот. Когда один из сыновей Энском сильно заболел, она «заключила сделку» с Богом, что бросит курить сигареты, если он поправится. Она бросила курить сигареты, но начала курить трубку и сигары, по поводу которых уговора не было.

15. Энском вернулась в Оксфорд в 1946 году и трудилась там вплоть до получения витгенштейновской кафедры в Кембридже в 1970-м.

Витгенштейн показал Энском новый метод философской работы, радикально не похожий на феноменалистическое картографирование структуры индивидуального сознания. Этот метод позволял прорваться в сложный и богатый мир множества языковых практик, правил и форм жизни. В этой связи философию Энском и конкретно книгу «Намерение» иногда относят к философии обыденного языка. С этим можно отчасти согласиться постольку, поскольку Энском, во-первых, не считает обыденный язык чем-то несовершенным, требующим прояснения в некотором «идеальном языке», во-вторых, в своих исследованиях она часто рассматривает вопрос об осмысленности некоторого способа выразиться в контексте реальных речевых практик. Однако Энском не считает обыденный язык, а также интуиции, с ним связанные, непогрешимым арбитром в философских спорах или конечной точкой исследования. Язык может давать материал для философского исследования, однако он также может вводить в заблуждение.

Здесь уместно упомянуть различие между поверхностной и глубокой грамматикой у позднего Витгенштейна¹⁶. Если поверхностная грамматика это собственно грамматические правила построения *языковых* выражений, то грамматика глубокая касается структуры тех *неязыковых* практик, в которых укоренены практики языковые. Основным предметом интереса Энском служит именно глубокая грамматика, структура практик и конвенций, в которых работает исследуемое понятие. Соответственно, языковые практики как таковые не исчерпывают область исследования, важно понимать, в каком более широком контексте деятельности функционируют эти практики и как они связаны с этим контекстом. Напротив, фиксация на анализе самого языка может скрывать значимость той деятельности, которая невозможна без употребления языка. В этой связи стоит отметить, что Энском была весьма оппозиционно настроена к доминировавшей в Оксфорде 1950-х философии обыденного языка в духе Джона Остина (Teichmann, 2008: 6).

При чтении «Намерения» важно иметь в виду витгенштейновскую критику феноменализма, менталистского словаря, а также деления на «внешнее» и «внутреннее» в целом. Так, Энском полагает, что Витгенштейн в общем обосновал невозможность осмысленного разговора о намерении как некоем внутреннем состоянии, в котором человек себя застает (Anscombe, 2000: 6)¹⁷. Поэтому она сразу определяет такого рода толкования намерения как тупики психологического жаргона (Anscombe, 2000: 5) и стремится обнаружить альтернативные пути исследования, не уделяя порой внимания критике психологизирующих намерение подходов. С другой стороны, по ходу всей книги она раз за разом настойчиво обращает внимание читателя на те обстоятельства, которые искушают толковать понятие намерения сугубо психологически¹⁸.

16. Подробнее о различии поверхностной и глубокой грамматики у позднего Витгенштейна см.: Baker, 2004.

17. См. параграфы 633–662 в «Философских исследованиях», где Витгенштейн разбирает понятие намерения (Absicht, Intention).

18. Подробнее об этих «ловушках» ментализма мы расскажем во второй части статьи.

Тем не менее ошибочно было бы истолковывать философию Энском как продолжение философского проекта позднего Витгенштейна его верной ученицей. В некрологе Энском Филиппа Фут пишет: «Ничто не было столь чуждо ее характеру и образу мысли как ученичество» (Foot, 2001: 119–120). Если Витгенштейн дал Энском метод и перспективу рассмотрения философских проблем, то результаты ее исследований находятся скорее в русле томистской и, шире, аристотелевской традиции. Так, в «Намерении», обнаружив сходство своих выводов с идеями Аристотеля, Энском пишет: «Я не понимала тождества [позиций], пока не получила свои результаты; ведь исходные точки моего исследования были весьма отличны от аристотелевских, что вполне естественно для людей, пишущих в разные времена» (Anscombe, 2000: 80). Кроме того, если цель философии позднего Витгенштейна — показать мухе выход из мухоловки, избавить человека от философских проблем (Философские исследования, § 309), то Энском имела вполне конкретное представление о том, как в современных ей условиях выстраивать систематику¹⁹ содержательного философского знания.

Необходимость подобной систематики обнаружила себя в результате знакомства Энском с современной этикой. Упомянутая выше Филиппа Фут — автор знаменитого эксперимента с вагонеткой и подруга Энском — однажды попросила ее прочесть курс по этике, поскольку сама должна была уехать в США. Готовясь к этому курсу Энском, как пишет ее дочь Мэри Гич, была потрясена (appalled) тотальным доминированием в английской философии того, что сама Энском окрестила «консеквенционализмом» (Geach, 2011: xiii). Согласно консеквенционалистским подходам моральность действия стоит оценивать по его последствиям. Однако отсюда можно сделать вывод, что не бывает поступков, которые дурны или хороши сами по себе, независимо от последствий. И нет столь подлого, безнравственного, низкого поступка, который нельзя было бы потенциально оправдать с помощью какого-нибудь фантастического примера, в котором имеются чрезвычайно полезные следствия для общества в целом. Убийство, обман, воровство, грубость — все может быть хорошо и правильно, стоит только немного напрячь фантазию.

Конечно, есть и альтернатива консеквенционализму — это этика, оперирующая понятиями морального закона, долга и безусловного обязательства. Такая этика как бы обладает встроенной защитой от оправдания очевидно дурных дел и позволяет абстрагироваться от контекста их совершения. Однако она, в свою очередь, нуждается в некоторых основаниях, которые гарантируют *значимость*, действительность соответствующих понятий (долга, закона, обязательства). Их действительность, по мнению Энском, зависит от идеи божественного закона и божественного законодателя. Альтернативные источники значимости (к примеру, общий разум), по ее мнению, неспособны выполнить свою задачу. Между тем в условиях все более и более секуляризованного общества идея божественного

19. Стоит оговориться, что системное понимание связей между различными областями философского знания никоим образом не мешало Энском чураться систематического подхода при рассмотрении конкретных тем.

законодательства едва ли может служить надежной основой для построения этики, которая будет действительна и для атеистов, и для верующих. Однако в таком случае понятия долга и морального обязательства могут быть не просто бесполезны, а вредны, т. к. они создают иллюзию действительности того, что уже ничего не значит для многих людей.

Плодом такого рода размышлений стала знаменитая статья «Современная моральная философия» (Anscombe, 2008), в которой Энском отстаивает три тезиса. Во-первых, бесполезно заниматься моральной философией, пока у нас нет обоснованной философии психологии. Во-вторых, «следует избавиться от понятий обязательства и долга — т. е. морального обязательства и морального долга, от понятий морально правильного и неправильного, а также от морального смысла должностования». Наконец, третий тезис гласит, что различия между английскими философами морали со времен Г. Сиджвика не имеют принципиального характера (Энском, 2008: 70). Все эти философы были сторонниками консеквенционализма.

Предполагаемая порочность консеквенционализма, с одной стороны, и выхолащивание категории морального долга — с другой, создают необходимость в обосновании альтернативного подхода к этике. Основания такого подхода Энском находит у Аристотеля, который опирается не на понятия долга или обязательства, но на понятие добродетели (ἀρετή). Однако прежде чем браться за построение «этики добродетели» (virtue ethics)²⁰, нам необходимо понять, «что вообще представляет собой человеческое действие, как оно связано с мотивами человека и его намерениями» (Энском, 2008: 74). Подобные задачи, в свою очередь, необходимо решать в рамках философской психологии.

«Намерение», собственно, и выполняет часть задачи по созданию философской психологии, наличие которой является необходимой предпосылкой для разработки новой этики. Энском нигде прямо не поясняет, что такое философская психология. Однако из ее замечаний можно понять, что центральной задачей философской психологии является исследование таких понятий, как «действие», «намерение», «удовольствие», «желание» (Энском, 2008: 86). Если принять во внимание методологию Энском, то изучение этих понятий должно заключаться не столько в систематизации психической жизни агента, сколько в экспликации структуры практик, в которых соответствующие понятия работают. В этой связи становится более понятным неприятие Энском деонтологической этики. Если реальность понятия обусловлена реальностью социальных практик, в которые оно встроено, то понятие о моральном долге (основанном на идее божественного законодательства) должно быть связано с определенной, прежде всего религиозной, жизнью общества. Именно эта жизнь наполняет смыслом понятия о долге и моральном обязательстве. Когда эта жизнь постепенно сходит на нет, связанные с ней понятия также лишаются своей реальности.

20. Об историко-философском контексте возникновения этики добродетели см.: Куренной, 2008. Актуальный справочник по этике добродетели см.: Besser-Jones, Slotte, 2015.

Наконец, важно сказать несколько слов не только о философском, но и о социально-политическом контексте возникновения «Намерений». Современность «Намерений» — это послевоенная Британия, где в 1956 году Оксфордский университет присуждает президенту США Гарри Трумэну почетную степень. Единственным человеком в Оксфорде, который открыто и публично выступил против этого, была Энском. Дочь Энском Мэри Гич пишет об этом так:

Энском встала в старой палате Конгрегации, попросила разрешения говорить на английском, и произнесла речь, в которой сравнила действия Оксфорда с награждением Гитлера, Нерона или Чингисхана. Однако Конгрегация все же присвоила [Трумэну] степень... Этот эпизод побудил ее прочитать курс лекций, который и стал книгой «Намерение». Было ясно, что если люди оправдывали Трумэна, говоря, что он просто поставил свое имя на клочке бумаги, то чего-то эти люди, в отличие от нее, не понимали. (Geach, 2011: x)

Например, они могли не понимать, почему подписание Трумэном некоторого документа одновременно является убийством тысяч мирных жителей, а также почему оправданно сказать, что Трумэн убил их *намеренно*. Обосновывать такого рода утверждения позволяет теоретический аппарат, который Энском разработает в «Намерении».

II

Цель «Намерения» — прояснить грамматику понятия «намерение» в том смысле «глубокой грамматики», о котором мы писали выше. Необходимо понять, какую часть нашей жизни оно упорядочивает, какова логика и структура практик, в которые это понятие встроено. Соответственно, Энском начинает свою работу с выделения трех способов говорить о намерении в обыденном языке.

Во-первых, мы можем выражать намерения относительно будущего (expressions of intention): «Я собираюсь получить эту работу» или «Я намерен подписать указ»²¹. Во-вторых, мы говорим о намеренном действии (intentional action). Некоторые действия являются намеренными, а некоторые нет. Например, Трумэн намеренно санкционировал бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Но если бы он не знал, что подписывает (полагая поданную ему бумагу, например, указом об устранении расовой сегрегации), то его санкционирование бомбардировки Хиросимы и Нагасаки было бы ненамеренным действием. В-третьих, мы можем задаваться вопросом о намерении, *с которым* (intention with which) нечто делается, или было сделано. Можно спросить: чего человек хотел добиться в результате своего действия? Энском хочет прояснить понятие намерения, которое структурирует все

21. Разумеется, намерения можно выражать и без использования однокоренных со словом «намерение» слов (intention). Сама Энском использует английское «I am going to do such-and-such» в качестве формы выражения намерения, а также простое будущее время (Anscombe, 2000: 1).

эти употребления²². Это положение важно подчеркнуть, т. к. здесь Энском выдвигает гипотезу, которая определяет все последующее исследование. Во всех трех случаях речь идет об одной и той же структуре, об одной и той же логике. Цель состоит в том, чтобы эксплицировать эту логику, порядок, который стоит за различными способами говорить о намерении.

Далее книгу можно, хотя и весьма условно, разделить на три части. В первой рассматриваются выражения намерений (§§ 2–3), во второй обсуждается намеренное действие (§§ 4–19), в третьей — намерение, с которым совершается действие (§§ 22–49)²³. Наконец, в последних параграфах книги Энском возвращается к теме первой части, отвечая на оставленные в начале работы вопросы о выражениях намерений (§§ 50–52). Внутри второй и третьей части можно дополнительно выделить несколько тем, которые впоследствии стали предметом активного обсуждения в аналитической философии действия. Во второй части: 1) знание без наблюдения (§ 8)²⁴; 2) анализ-ментальной причинности (§§ 9–11, 15); 3) типы мотивов (motives), соотношение мотивов и причин (§§ 12–14). В третьей части: 1) проблема тождества действия (§§ 23, 26–27); 2) анализ природы практического знания (§§ 28–46). Далее мы кратко реконструируем самый общий уровень рассуждения Энском, отсекая множество деталей. Это своего рода «скелет» «Намерения», с помощью которого мы хотели бы продемонстрировать, что «Намерение» создано по некоторому единому плану, которого автор последовательно придерживается на протяжении всей работы²⁵.

А) *Выражение намерений.*

Энском начинает свое исследование с анализа выражений намерений (expressions of intentions). Речь идет о конкретном типе языковых выражений («Я собираюсь X», «Я намерен X», «Я сделаю X»), посредством которых человек описывает свои намерения относительно будущего. Энском ставит задачу отделить данный тип выражений от некоторой формы предсказания²⁶, в частности, прогноза будущих событий. Согласно методологии исследования, сделать это

22. В этой связи стоит отметить, что аргумент, обосновывающий взаимозависимость способов говорить о намерении, представлен в параграфе 20. Это, пожалуй, самое трудное для понимания место «Намерения».

23. Параграфы 19–21 играют роль «моста» между обсуждением намеренного действия и намерения, с которым совершается действие.

24. Эта тема получит развитие в параграфах 28–46.

25. Здесь необходимо сделать ряд замечаний. Во-первых, текст «Намерения», в отличие от многих современных текстов, совершенно не предназначался для какого-либо суммирования, обобщения, выделения основных результатов исследования. Одна из задач нашего изложения — облегчить работу с очень трудным для понимания оригиналом. Во-вторых, изложение не содержит критики, т. к. эта критика скорее затруднила бы, нежели облегчила понимание замысла Энском. В-третьих, по ходу изложения мы будем делать примечания, которые призваны указать на наличие в конкретном месте «Намерения» важных тем, подробное обсуждение которых мы вынуждены опустить.

26. Речь идет именно о «некоторой форме», т. к. по ходу анализа Энском дает очень широкое определение предсказания, согласно которому и выражения намерений являются формой предсказания: «человек говорит нечто, используя в предложении определенную глагольную форму (inflection of verb), а позднее то же самое предложение, только с другой формой глагола, можно назвать истинным

возможно только на основе конкретной практики²⁷. Такой практикой становится обоснование: выражения намерений обосновываются *основаниями в пользу действия* (reasons for acting), а прогнозы — основаниями *считать их истинными* (reasons to believe). Однако здесь возникает вопрос, в чем состоит специфика оснований в пользу действия? Чем они отличаются от оснований в пользу истинности некоторого убеждения, т. е. свидетельств, а также от причин? Энском предпочитает не отвечать сразу на эти вопросы, а переходит к рассмотрению намеренных действий²⁸. Именно анализ намеренных действий впоследствии позволит ей подойти к исследованию структуры обоснования, в которую вписаны основания в пользу действия.

Б) *Намеренные действия.*

Определить намеренные действия также необходимо через некоторую практику. Энском делает это следующим образом: если человек совершает намеренное действие, его можно спросить: «Почему ты делаешь X?», и получить релевантный смыслу вопроса ответ. Иначе говоря, к намеренным действиям применим вопрос «Почему?»²⁹ в определенном смысле (§ 5)³⁰. Каков этот смысл? В случае намеренных действий вопрос ставится относительно оснований в пользу действия, а не относительно, к примеру, свидетельств истинности или причин чего-либо. Но как можно ясно разграничить данные типы оснований? Здесь возникает угроза порочного круга: намеренное действие мы определяем через вопрос «Почему?» в некотором смысле, данный смысл вопроса «Почему?» определяем через понятие «основание в пользу действия», но это понятие уже содержит отсылку к тому классу действий, который мы стремились определить. Чтобы избежать порочного круга, Энском вновь предпочитает двигаться не от понятий к практикам, а от анализа практик к понятиям. В частности, ей требуется перечислить типы ответов, которые демонстрируют применимость вопроса «Почему?» в искомом смысле, а также те ответы, которые указывают на его неприменимость к конкретному действию. В случае успеха мы: 1) предварительно определим смысл вопроса «Почему?» через указание релевантных типов ответа; 2) выделим класс намеренных действий через определение конкретного смысла вопроса «Почему?»; 3) поймем, какие ответы мо-

или ложным ввиду случившегося позднее» (Anscombe, 2000: 2). Соответственно, задача Энском — провести различие внутри большого класса предсказаний.

27. Этот момент существенен, т. к. в ответ на вопрос о различии предсказаний и выражений намерений возникает искушение сказать, что намерение описывает некоторое внутреннее состояние, а предсказание описывает будущие события. Перевод разговора в область наблюдаемых действий позволяет избегать такого рода менталистских ловушек.

28. На данном этапе исследования прямой ответ невозможен, т. к. он потребовал бы предварительного понимания того, что такое намеренное действие. Об этом далее.

29. Имеется в виду вопрос формы «Почему S сделал X?», где S обозначает действующего, а X — описание действия. К примеру: «Почему Марк пошел за Петром?»

30. Здесь стоит отметить, что и выражения намерений, и намеренные действия Энском выделяет на основе, в сущности, одной совокупности практик — практик обоснования. Вопрос «Почему?» требует некоторого основания в пользу действия, причем это основание, как будет показано далее, имеет ту же природу, что и основание, приводимое в защиту выраженных намерений.

гут указывать основания в пользу действия. Важнее, однако, то, что полученные данные создадут «эмпирическую», основанную на реальных практиках, почву для дальнейшего анализа и обобщения.

Мы ограничим перечисление случаев применимости и неприменимости вопроса «Почему?» теми примерами, которые, по нашему мнению, представляют особый интерес в контексте проблематики философии действия. Во-первых, вопрос «Почему?» в искомом смысле не получает ответа, если человек говорит: «Я не знал, что это делаю». Но как вообще можно не знать, что делаешь? Отвечая на этот вопрос, Энском сформулирует мысль, которая впоследствии сделает блестящую карьеру в аналитической философии действия: одно и то же действие может быть представлено во множестве разных описаний (§ 6). Человек знает³¹ свое действие в одних описаниях, но может и не подозревать о других истинных описаниях того же действия. Следующий пример принадлежит Дональду Дэвидсону (Davidson, 1963: 686): человек приходит в квартиру и щелкает переключателем, намереваясь включить свет. Сам того не зная, он спугивает грабителя. Его действие можно описать и как «Х включил свет» и как «Х спугнул грабителя». Однако только в первом из них человек знает о своем действии и может ответить на вопрос «Почему?» в искомом смысле. Таким образом, «намеренный» в словосочетании «намеренное действие» означает, что данное действие имеет некоторое описание, относительно которого применим вопрос «Почему?» в искомом смысле, и совершающий действие знает о нем в этом описании (Anscombe, 2000: 28).

Во-вторых, вопрос «Почему?» в искомом смысле не получит ответа, если будет указана ментальная причина³² действия. В качестве примера Энском приводит следующий случай (Anscombe, 2000: 9): человек, сидящий за столом, неожиданно вскакивает. На вопрос «Почему ты вскочил?» он отвечает: «Мне показалось, в окне мелькнуло лицо». Этот ответ не дает нам оснований в пользу действия, но указывает некоторое сознательное переживание, впечатление, которое «запустило» действие. Анализ ментальной причинности в «Намерении» (§§ 9–11, 15) представляет особый интерес, поскольку описанные Энском случаи ментальной причинности весьма не похожи на картину, рисуемую стандартной каузальной теорией действия³³. Ментальная причина буквально «толкает» человека на действие. Это

31. Здесь уже можно было бы поставить вопрос о природе знания, которое человек имеет о своих намеренных действиях. Не случайно в восьмом параграфе появляется тема знания без наблюдения. В нем Энском выделяет класс действий, о которых мы знаем без наблюдения, подклассом данного класса являются намеренные действия. Однако более детальное рассмотрение знания о намеренных действиях будет представлено в параграфах о практическом знании (§§ 28–46).

32. Кроме ментальных причин действия существуют, разумеется, и другие типы причин. К примеру, физиологические процессы в организме, о которых человек может знать из университетского курса анатомии и физиологии. Однако этот тип причин представляет меньший интерес, т.к. такие причины вовсе не похожи на основания в пользу действия. Кроме того, если о ментальной причинности, по мнению Энском, человек знает *без наблюдения* (§ 9), вывод о не-ментальных причинах действия возможен только на основе наблюдения.

33. Чистый случай ментальной причинности в духе теории Энском дают так называемые примеры с отклоняющимися каузальными цепями (*deviant causal chains*), которые являются едва ли не главной

очевидно самому действующему, он знает, что его действие было запущено неким впечатлением, ощущением, мыслью. Однако если в ответ на вопрос «Почему?» человек укажет такую ментальную причину, он продемонстрирует, что вопрос относительно оснований в пользу действия здесь не применим³⁴.

Особый интерес представляет и третий тип неподходящих ответов на вопрос «Почему?» в определяемом нами смысле: «Сам не знаю, почему я так поступил», или «Без особых причин», или «Просто так». Эти случаи любопытны тем, что человек *опознает* релевантный смысл вопроса, он понимает, какого рода ответ от него хотят услышать. Однако его реальный ответ как бы говорит: «Я понимаю, что вы хотите услышать, но мне нечего ответить». В некоторых случаях такой ответ будет практически непостижим³⁵. К примеру, если бы академик Сергей Павлович Королев ответил на вопрос «Почему вы отправили человека в космос?» нечто вроде «Просто так» или «Сам не знаю», его ответ прозвучал бы исключительно странно. Равным образом, если бы Трумэн в ответ на вопрос «Почему вы отдали приказ о ядерной бомбардировке Хиросимы?» сказал бы: «Без особых причин», мы сочли бы, что он уклоняется от ответа или сошел с ума. Таким образом, в некоторых случаях подобный ответ будет совершенно неприемлем. С другой стороны, если молодой угонщик на вопрос «Зачем ты угнал машину?» отвечает: «Молодой...», он, по сути, указывает, что не может представить каких-то оснований в пользу своего

проблемой каузальной теории действия. В таких примерах убеждение и желание являются причинами действия, однако никак не рационализируют его. В этой связи перед теоретиками каузальной теории действия встала задача сформулировать, какие формы каузации основаниями правильные, а какие нет, что оказалось весьма непростой задачей. Сам Дэвидсон приводил такой пример: «Скалолаз может хотеть избавиться от опасности, которой он подвергается, удерживая вес другого человека на тросе, и знать, что, ослабив хват, он может избавиться и от веса, и от опасности. Это убеждение и желание могут настолько нервировать его, что станут причиной ослабления хвата, однако при этом вполне возможно, что он никогда не решал ослабить хват и не ослаблял его намеренно» (Davidson, 1973: 153-154).

34. Здесь стоит отметить, что в обсуждении ментальной причинности у Эנסком есть один важный, но весьма тонкий момент: Энском разделяет два типа случаев: 1) чистые случаи ментальной причинности; 2) случаи, в которых ментальная причина может фигурировать в качестве основания в пользу действия. В основном тексте мы привели примеры чистых случаев, в которых ментальная причина никак не рационализирует действие. Однако возможны такие случаи, когда ментальная причина *может* приводиться в качестве основания в пользу намеренного действия. Если суммировать ее замечания по этому поводу из параграфа 15, выходит примерно следующее: имеется некоторый континуум между двумя вышеуказанными типами случаев. Чем больше действие является просто *реакцией* на некоторое впечатление, ощущение или мысль, тем ближе этот случай к чистой ментальной причине, чем больше ментальная причина включается в структуру рассуждений самого агента, тем скорее данная причина может быть использована как основание в пользу действия. Энском приводит следующий пример: «Что заставило тебя подписать этот документ? — У меня в голове постоянно крутилась мысль „это мой долг“, пока я наконец не сказал себе: „Не могу иначе“ и не подписал» (Anscombe, 2000: 11). Этот вопрос можно прояснить, если рассмотреть понятие практического рассуждения у Энском. Об этом далее.

35. Энском специально посвящает § 18 обсуждению того, в каком смысле такой ответ непостижим. Если кратко суммировать ее замечания, он непостижим в том смысле, что мы понимаем значение сказанной отвечающим фразы, но не понимаем, как она может быть осмысленно употреблена в данной ситуации.

действия. Этот класс ответов образует пограничный случай, с одной стороны, вопрос распознается верно, с другой стороны, на него нет ответа.

Время перейти к подходящим ответам на вопрос «Почему?» относительно намеренного действия (§§ 12–14). Релевантным ответом будет указание мотивов в обыденном смысле³⁶ этого слова. Энском выделяет три типа мотива. Во-первых, в качестве мотива может быть указано нечто в прошлом. К примеру, на вопрос «Почему ты помогаешь ему?» можно дать ответ: «Много лет назад он помог мне». Такие мотивы Энском называет «ретроспективными мотивами» (*backward-looking motives*). Однако не всякое событие, предшествующее действию, может подойти в качестве такого рода мотива. Чтобы нечто в прошлом могло служить мотивом, должны соблюдаться два условия: 1) это нечто в прошлом должно осмысляться как хорошее или вредное для действующего; 2) само действие должно осмысляться в категориях хорошего или вредного³⁷. Пояснить эту мысль можно на следующем примере: человека спрашивают: «Почему ты его покалечил?» Ответом может быть: «Он сильно испортил мне жизнь». Если вдруг человек узнает, что действие, которое он осмыслял как вредоносное, оказалось полезным для недруга, то оно станет ненамеренным (и наоборот). Так, если один человек пытается убить другого, но тем самым случайно спасает его, спасение будет ненамеренным. С другой стороны, указание чего-то нейтрального, не связанного с идеями блага и вреда, не может само по себе дать мотива в пользу действия. Так, если человек в ответ на выше поставленный вопрос «Почему ты покалечил этого человека?» скажет: «Он завязал себе шнурки» или «Он стоял на остановке», мы все равно предположим, что завязывание шнурков или стояние на остановке как-то связываются у отвечающего с идеей чего-то вредного, дурного, иначе его ответ будет крайне трудно понять.

Во-вторых, в качестве мотива может быть дана некоторая интерпретация действия, человек может как бы сказать своим ответом: «Посмотри на действие в таком-то свете, с такой-то точки зрения, и ты поймешь, почему я его делаю». К примеру, на вопрос «Почему ты вообще решил это сделать?» можно получить ответ: «По дружбе». Такие мотивы Энском называет «мотивы-в-общем» (*motives-in-general*) или интерпретативные мотивы³⁸. В-третьих, человек может указать нечто в будущем в качестве мотива — это проспективные мотивы (*forward-looking*

36. Данное уточнение существенно, т. к. Энском отвергает философскую концепцию мотивов, согласно которой они являются своего рода двигателями, подталкивающими человека к действию. Эта концепция, по мнению Энском, есть результат ряда ошибок: 1) игнорирование специфики реальных примеров ментальной причинности; 2) предположение, что ментальная причинность имеется только в случае намеренных и добровольных действий; 3) игнорирование различия между ментальными причинами и мотивами; 4) игнорирование типов мотивов, которые не равны намерениям, с которыми действует человек (Anscombe, 2000: 19–20). О других типах мотивов см. далее.

37. Эта идея дополнительно проясняется в контексте § 40, где Энском обсуждает связь желания, направляющего действия человека, с его представлением о благе (*good*).

38. Именно их концептуализация представляется Энском чрезвычайно трудной задачей, которая, правда, относится к сфере «этики или литературной критики», и потому перед ней не стоит (Anscombe, 2000: 19).

motives). При этом такого рода мотив будет одновременно указывать *намерение, с которым* (intention-with-which) действует человек. К примеру, на вопрос «Почему ты режешь тыкву?» человек ответит: «Чтобы приготовить ужин». «Чтобы приготовить ужин» будет намерением, с которым человек точит нож (или одним из намерений)³⁹.

В) *Взаимозависимость способов говорить о намерениях.*

Долгое и местами чрезвычайно запутанное рассмотрение различных вариантов ответа на вопрос «Почему?» в итоге позволяет Энском предварительно определить его смысл через круг возможных ответов. Теперь можно было бы рассмотреть проблему связи всех «правильных» ответов. Однако перед этим Энском возвращается к вопросу, которого она касалась в первом параграфе: могут ли три способа говорить о намерениях обозначать три независимых понятия? Можно ли говорить о намеренном действии как независимом понятии? Энском отвечает на эти вопросы в два этапа. Во-первых, она демонстрирует, что намеренное действие является таковым не благодаря наличию некоторой дополнительной сущности, которая делает совершаемое действие намеренным (§ 19). Этот шаг важен, т. к. если бы такие сущности были, то действие могло бы быть намеренным независимо от наличия выражений намерений или возможности говорить о намерении, с которым совершается действие. Во-вторых, она показывает, что возможность говорить о намеренных действиях принципиально связана с наличием двух других способов говорить о намерении (§ 20). Реконструкция аргументов Энском в этой части «Намерения» представляет исключительную сложность. Далее мы предложим свою интерпретацию ее доводов в максимально сжатом виде.

Оба аргумента по форме представляют собой аргументы от противного. В параграфе 19 Энском делает допущение, что действие сопровождается некоторой сущностью I, которая и делает его намеренным. Она начинает рассуждение с того, что в любом действии можно обнаружить некоторые «донамеренные» (preintentional) компоненты, это некоторая фактическая «база», на которую мы можем накладывать разные описания. В случае с движениями тела всегда будут иметь место, по крайней мере, некоторые сокращения мышц. Согласно нашему допущению, эта база будет сопровождаться некоторым I, которое и делает донамеренное действие намеренным (донамеренное + I = намеренное). Однако ничего в донамеренном действии как таковом не позволяет выделить из множества возможных описаний именно те, в которых действие является намеренным⁴⁰. Если именно I делает дона-

39. Заметим, что в некоторых случаях выражение намерения, описание намеренного действия и описание намерения, с которым совершается действие, могут совпадать. К примеру, в ответе на вопрос «Почему ты режешь тыкву?» можно использовать все три способа говорить о намерении, которые обнаруживают здесь свою эквивалентность: «Собираюсь приготовить ужин», «Готовлю ужин», «Чтобы приготовить ужин» (Anscombe, 2000: 40).

40. В этом смысле, с точки зрения Энском, бессмысленно пытаться определять намеренное действие через некое якобы более фундаментальное его описание, к примеру, через описание физиологическое. Даже полная информация о физиологических процессах в теле действующего не смогла бы указать нам то описание, в котором действие является намеренным (Anscombe, 2000: 29).

меренное намеренным, то контекст действия также оказывается не важен. Таким образом, I может быть практически любым, описание, в котором действие является намеренным, произвольно. Тогда тот факт, что описания намеренных действий (определяемые I) некоторым образом вписываются в контекст действия, логично связаны с прошлыми и последующими событиями, оказывается просто счастливым совпадением. Это абсурдно. Если же дело не в случайном совпадении, то I должно быть как-то связано с тем, что сам агент знает о своем действии, т. к. намеренные действия в числе прочего характеризуются тем, что агент знает о них в тех описаниях, в которых они являются намеренными. К примеру, если он знает, что сокращение мышц определенного рода позволит взять молоток, то может сократить мышцы соответствующим образом, чтобы взять молоток. В таком случае I, сопровождающее действие, будет включать описание действия, в котором оно является намеренным. Однако у этого предположения также есть три проблемы: 1) мы обычно не думаем о своих донамеренных действиях или вообще не знаем о том, каковы они; 2) мы не замечаем в своем опыте никакого подобного I, сопровождающего намеренные действия; 3) если бы мы знали, что I всегда сопровождает намеренное действие, то «вызывание» (summoning) I использовалось бы для того, чтобы действие было бы намеренным, но само это вызывание было бы намеренным и требовало бы другого I. В итоге мы получаем бесконечный регресс. Таким образом, допущение о наличии I приводит к существенным затруднениям.

Итак, намеренное действие является таковым не в силу чего-то, что сопровождает движения агента в момент действия. Есть ли какие-то другие условия осмысленности этого понятия? В параграфе 20 Энского приводит аргумент в пользу того, что осмысленность говорения о намеренных действиях зависит от двух других способов говорить о намерении. Предположим, что дело обстоит иначе. Это может означать:

Допущение 1: о намерении можно говорить только в связи с намеренным действием, но не существует выражений намерений относительно будущего или дальнейших намерений, с которыми совершается некоторое намеренное действие.

Допущение 2: в ответ на вопрос «Почему?» человек не сможет указать чего-либо, помимо того описания, которое уже фигурировало в вопросе, поскольку, согласно допущению, намеренное действие существует независимо от выражений намерений относительно будущего или дальнейших намерений, с которым совершается действие. Единственный ответ на вопрос «Почему ты сделал/делаешь X?» в соответствующем смысле звучал бы: «Я просто сделал/делаю X».

Допущение 1 можно интерпретировать двояким образом:

1) Во-первых, «Намеренный» обозначает некоторую манеру, образ выполнения действия, как человек может делать нечто с грустным видом, так он может делать нечто с «намеренным» видом. Энском использует редкое слово «intentional», на русском мы могли бы сказать, что человек делает нечто с решительным или целеустремленным видом. Однако понятие намерения не может работать таким образом, т. к. в одном описании действие может быть намеренным, а в другом нет.

Тогда как «вид», с которым человек нечто делает, не зависит от конкретного описания. Если человек делает нечто с гневным видом (к примеру, забивает в стену гвоздь), он будет делать это с гневным видом, даже если дать действию другое описание (к примеру, «мешает соседям спать»). Во-вторых, если мы предположим, что слово «намеренное» описывает манеру выполнения действия, которая *необходимо* связана с определенными описаниями, то никто никогда не мог бы отрицать, что действие в данном описании является намеренным. Так, если описание «Мешать спать» необходимо связано с намеренной манерой выполнения действия, то никто не мог бы сказать, что он мешает спать ненамеренно. Однако в нашем языке выражение «намеренное действие» работает совершенно иначе: мы можем сказать, что не знали о том, что совершаем некоторое действие, даже если вопрос ставится относительно описания, в котором оно *потенциально* могло бы быть намеренным.

2) Согласно другой интерпретации допущения 1 о независимости намеренных действий, действие может иметь множество описаний, в одних из которых оно будет намеренным, а в других нет. Но в ответ на вопрос «Почему?» человек никогда не сможет выразить намерение относительно будущего или указать намерение, с которым он действует. Так человек, который пилит дрова, на вопрос «Почему ты водишь пилой туда-обратно?» мог бы сказать: «Я пилю дрова», но не мог бы сказать: «Чтобы разжечь костер». «Пилю дрова» описывало бы его текущие действия, а «чтобы разжечь костер» — намерение, с которым он действует⁴¹. Если принять допущение 1 в данной интерпретации, понятие намеренного действия радикально сузилось бы. «Намеренное» в «намеренном действии» обозначало бы только то, что человек намеренно делает нечто в данный момент. Понятие намерения утратило бы концептуальную связь с будущим, в том числе с целями действия в будущем.

Если же принять допущение 2, то разговор о намеренных действиях стал бы просто невозможен, т. к. ответ «Я просто это сделал и все» не позволяет отличить намеренные действия от других типов действий, о которых мы знаем без наблюдения. К примеру, от чистых случаев ментальной причинности⁴². В обоих случаях возможен ответ: «Я просто это сделал». Вопрос «Почему?» в описанном смысле просто не существовал бы.

Указание взаимозависимости способов говорить о намерении можно считать частью «негативной» программы «Намерения»: задача здесь состоит в том, чтобы доказать невозможность говорить *только* о намеренных действиях. После выполнения этой задачи Энском может перейти к позитивной программе. Необходимо прояснить понятие, которое структурирует все взаимозависимые способы говорения о намерении. Осмысленность разговора о «намеренных действиях» зависит от возможности указания оснований в пользу действия. В качестве оснований могут быть указаны мотивы трех типов, однако что объединяет все формы релевантных

41. Равным образом он не мог бы сказать: «Собираюсь разжечь костер», т. к. выражения намерений относительно будущего также исключены согласно нашему допущению.

42. В § 20 Энском рассматривает несколько альтернативных вариантов выделить намеренные действия, но приходит к выводу об их несостоятельности.

ответов на вопрос «Почему?»? В какой общий порядок они вписаны? Эנסком под- ходит к ответу на эти вопросы через анализ третьей части своей темы: намерения, с которым совершается действие.

Г) *Намерение-с-которым.*

Говоря о проспективных мотивах, мы указали, что данный тип мотивов ук- зывает *намерение* действующего. Разумеется, не всякое упоминание чего-то в будущем может быть понято в качестве мотива. Так, если на вопрос «Почему ты забиваешь гвоздь?» человек ответит: «Чтобы утолить голод», его ответ будет непонятен. Если же он ответит: «Чтобы повесить картину», ответ будет вполне ясен. В чем разница? Разница состоит в том, что во втором случае мы понимаем, как «Забиваю гвоздь» может вести к «Повешу картину». Напротив, в первом слу- чае совершенно неясно, как забивание гвоздя может привести к утолению голода. Иначе говоря, ответ типа «Я делаю X, чтобы Y» понятен в том случае, если понят- но, как X может быть этапом достижения Y или как Y может быть более поздней стадией X. Соответственно, любой ответ на вопрос «Почему?» должен некоторым образом позволять нам реконструировать эту связь⁴³.

Заметим, что это будет действительно не только для проспективных мотивов. Указание чего-то в прошлом: «Он меня обидел» будет понятно, если, к примеру, текущее действие является этапом возмездия за обиду. Если же действие будет очевидно полезным обидчику, нам станет не ясен смысл ответа. Итак, указание интерпретативного мотива («Почему ты это сделал? — По дружбе») обычно мо- жет быть понято в контексте достижения некоторой цели («Чтобы помочь дру- гу»). Намерение-с-которым позволяет нам указывать *цель* того, что мы делаем в конкретный момент. Благодаря данному способу говорить о намерениях вопрос «Почему?» получает львиную долю своей осмысленности. Ведь зачастую нам абсо- лютно ясно, какие намеренные действия люди совершают в конкретный момент, вопросы может вызывать то, какую цель они преследуют данными действиями.

Между тем как цели и задачи человека могут составлять некоторую иерархиче- скую структуру, так же и его намерения могут находиться в иерархическом отно- шении друг к другу. Данная характеристика намерения лучше всего обнаружива- ется при анализе «намерения-с-которым» человек нечто делает: человек делает А, чтобы В, а В, чтобы С, а С, чтобы D. Эта иерархическая структура, в свою очередь, позволяет поставить ряд вопросов: 1) знаменитый вопрос о тождестве действия: совершает ли человек четыре действия (А, В, С, D), или одно, но в нескольких опи- саниях? 2) Является ли набор А–D фиксированным, или можно поместить между

43. Заметим, что подобное понимание позволяет значительно ограничить произвол человека при указании намерения. Человек не может указать все, что захочет, в качестве своего намерения, т. к. многие ответы просто невозможно будет понять. Соответственно, допустимые элементы этой струк- туры ограничены не только смыслом вопроса «Почему?», но и некоторой независимой от человека логикой связи между различными описаниями. Эта логика, в свою очередь, укоренена в реальных практиках, жизни общества. Напротив, менталистские истолкования намерения предполагают, что все самое существенное для определения намерения происходит «в голове» действующего.

отдельными его элементами другие звенья? 3) Должно ли описание конечной цели человека соответствовать конкретному действию в цепи?

Проанализировать эти вопросы можно на примере Энском, который стал настоящей классикой философии действия:

Некий человек закачивает воду в цистерну, из которой в дом поступает питьевая вода. Какой-то другой человек нашел способ постоянно отравлять источник воды ядом, действие которого остается незаметным, пока людей можно вылечить. В доме живет небольшая группа партийных начальников со своими семьями, которые контролируют большое государство. Они уничтожают евреев и, возможно, планируют мировую войну. Человек, который отравил источник, просчитал, что если они будут уничтожены, то к власти придут хорошие люди, которые будут правильно управлять государством или даже установят Царствие Божье на земле, а также обеспечат всем людям благую жизнь. Он открыл свои расчеты, а также сведения о яде тому, кто закачивает воду. Смерть обитателей дома, конечно, будет иметь и множество других последствий, к примеру, ряд людей, неизвестных действующим лицам, получит наследство, о котором ничего не знают. (Anscombe, 2000: 37)

На первый вопрос Энском отвечает, что человек совершает не четыре действия, а одно конкретное действие и только его⁴⁴. В данном случае он двигает руками вверх-вниз (A), а контекст определяет, какие дальнейшие описания применимы к этим движениям: он работает насосом (B), он направляет воду в систему водоснабжения (C), он отравляет жителей дома (D) (Anscombe, 2000: 46). При этом каждый следующий элемент в цепи описаний будет требовать все больше и больше информации о контексте. Поскольку человек держит в руках насос, можно сказать: «Он работает насосом». Поскольку насос подключен к цистерне, которая соединена с системой водоснабжения дома, можно сказать: «Он закачивает воду в систему снабжения дома питьевой водой» (C). Поскольку эта вода была отравлена, можно сказать: «Отравляет жителей дома» (D). Заметим, что каждое следующее описание как бы «поглощает» предшествующее. Так, в ответ на вопрос «Почему ты качаешь насос?» человек может сразу сказать: «Чтобы отравить жителей дома», не указывая, что он закачивает яд в цистерну с водой и т. д. Все предшествующие описания будут лишь этапами в достижении главной цели, если, конечно, его целью является отравление жителей дома. Соответственно, последний элемент цепи и будет намерением, с которым действует человек (Anscombe, 2000: 46).

В ответ на второй вопрос Энском отвечает, что набор A-D не фиксирован, возможно включение промежуточных звеньев. Так, мы можем поставить между B и C описание «Закачивает воду в цистерну» (E) (получится серия: «работает насо-

44. Впоследствии Артур Данто сформулирует понятие базового действия (basic action) (Danto, 1965). Базовое действие таково, что оно совершается непосредственно, а не через другие действия. Основная проблема здесь заключается в том, чтобы прояснить этот критерий и очертить класс этих действий.

сом» — «закачивает воду в цистерну» — «направляет воду в систему водоснабжения» и т. д.) (Anscombe, 2000: 47).

Третий вопрос в данном случае можно поставить так: «В какой именно момент человек, работающий насосом, отравляет обитателей дома?»⁴⁵ В какой именно момент реализуется намерение, с которым человек действует?» Очевидно, в самих по себе движениях героя мысленного эксперимента не удастся обнаружить такой момент. Когда обитатели дома отравятся, сам отравитель может делать нечто совершенно иное. Однако обстоятельства, контекст, в котором все происходит (человек знает о яде в источнике, он знает, что своими действиями закачивает яд в дом, где живут люди, что он смертелен, и т. п.), по крайней мере частично, обуславливают применимость данного описания к его действиям. Если человек признает свое знание контекста, ему будет трудно осмысленно отпираться от того, что он своими действиями отравил жителей дома. Даже если он, к примеру, закачивал яд, просто чтобы заработать денег, и ему было все равно, кто умрет, он должен будет признать, что понимал отравление как этап, ведущий к получению денег, а значит, он отравлял людей намеренно, хотя его целью было не убийство, а деньги.

Можно было бы сказать, что реальное намерение определяется некоторым внутренним усилием или волевым актом, именно он обозначается описанием намеренного действия. Однако Энском критикует такое представление. Человек не может определять свои намерения, просто сказав «про себя»: мои намерения такие-то, а вовсе не другие. Такого рода определение намерений уже было бы намеренным действием, и мы могли бы спросить: а с каким намерением ты произносишь эту речь? Напротив, показать реальные намерения человека может его реакция на некоторую новую информацию о контексте. Например, если человек отравляет жителей дома только для того, чтобы получить деньги, то информация о том, что ему не заплатят, повлечет отказ от действия (Anscombe, 2000: 43–44).

Между тем контекст никогда не позволяет точно зафиксировать намерение, с которым действует человек. В конечном счете лишь сам человек может сказать, каковы его намерения (Anscombe, 2000: 44). Это важно. Во-первых, поэтому можно солгать о намерениях. Если бы контекста всегда было достаточно для понимания намерений, ложь была бы невозможна⁴⁶. Во-вторых, мы можем поставить вопрос: откуда *сам* человек знает о своих намерениях? Сложность ответа состоит в том, что нам необходимо указать основания этого знания, не попав в психологию-

45. В случае с бомбардировкой Хиросимы можно было бы спросить: в какой именно момент Трумэн убил тысячи мирных жителей в Хиросиме? Разве подписание документа можно отождествить с убийством?

46. Интересный вопрос, который Энском рассматривает в начале и в конце своей книги, заключается в том, есть ли противоречие во фразе: «Я намерен сделать X, но не сделаю X». С одной стороны, здесь есть видимость противоречия. Однако человек может действительно иметь намерение, но не сделать нечто. К примеру, если ему помешали, если он передумал, наконец, если он не смог претворить свои намерения в жизнь. В этом контексте Энском рассматривает пример с отречением апостола Петра. Петр не лгал, говоря Христу, что не отречется, и он не передумал, но все же не смог реализовать свое намерение.

ческие тупики, т. е. без отождествления намерения с некими ментальными состояниями. Иначе весь проект Эנסком по де-ментализации намерения провалится.

Д) *Практическое знание и практическое рассуждение*⁴⁷.

Для решения этой задачи Энском обращается к анализу особой формы знания, которая и соответствует знанию намерения. Человек знает о своих намеренных действиях *не только*⁴⁸ благодаря наблюдениям. К примеру, сейчас, набирая текст на клавиатуре, я вижу движения своих пальцев, но вот я закрыл глаза, и все равно знаю, что печатаю. Более того, если убрать тактильные ощущения, то я все равно буду знать, что делаю. Конечно, обычно я вижу, что делаю, но мне нет *необходимости* видеть это, чтобы знать о своих действиях. С другой стороны, если какой-то человек подойдет и спросит: «Почему ты сел на мое место?», я честно скажу, что не знал об этом, т. е. *не знал* свое действие в таком описании. Но это не значит, что я чего-то не заметил. Знание о намерении является практическим знанием в том смысле, что человек не дедуцирует его из некоторых наблюдений.

У данной формы знания есть еще одна интересная особенность: если наблюдаемые факты относительно моего действия будут не соответствовать моему знанию, проблема будет не в знании, а в фактах⁴⁹. Энском иллюстрирует эту идею еще одним примером, который стал классикой. Некий мужчина идет в магазин со списком продуктов, который ему дала жена. За ним следит детектив, записывающий все его действия в блокнот. Если мужчина случайно купит вместо масла маргарин, мы зафиксируем его ошибку через несоответствие купленного списку жены. Ошибка будет *в действиях*. Если же список детектива, составленный посредством наблюдения за действиями человека со стороны, не сойдется со списком реально купленного, ошибка будет именно *в списке* детектива, а не в действиях (Anscombe, 2000: 56–57). Аналогичная ситуация имеется и с намеренным действием: если человек не смог сделать то, что намеревался, ошибка не в его знании своих намерений, а в том, что он не смог их реализовать. В одном случае знание должно соответствовать фактам, в другом — факты знанию.

Итак, мы можем знать о своих действиях двумя способами. Можно ли сказать, что у нас есть два объекта знания: один объект известен благодаря наблюдениям, другой без наблюдения? Может имеются два действия: одно мы знаем на основе наблюдений, другое без наблюдений? Для прояснения этих вопросов Энском обращается к аристотелевскому делению на созерцательное (*θεωρητικῆ*) и практическое знание. Различие этих двух видов знаний основано на различии в путях,

47. Подробнее о практическом знании и практическом рассуждении у Энском см.: Mothersill, 1962; Vogler, 2001; Schwenkler, 2015.

48. Энском, разумеется, не отрицает, что человек может наблюдать свои действия. Однако он может знать, что делает, и без наблюдения, т. е. существует такое знание о действии, которое не выводится на основе наблюдаемых фактов (в том числе собственных ощущений, мыслей и т. п.).

49. Эта идея затем будет использована Дж. Серлем для развития теории речевых актов через понятие направлений соответствия (*direction of fit*) (Searle, 1979).

которыми мы к ним приходим, в способах *обоснования*⁵⁰ знаний. Каждой из форм знания соответствует определенный тип рассуждения, в аристотелевской логике — тип силлогизма. Соответственно, чтобы прояснить специфику практического знания необходимо рассмотреть структуру практического силлогизма.

Во-первых, практический силлогизм не призван нечто *доказать*, его заключением является не суждение, следующее из посылок, а действие (Anscombe, 2000: 60). Этот момент существенен в теории Энском, поскольку она стремится описать логику, в которой функционируют реальные действия, а не мысли или суждения о некоторых возможных действиях, которые все же не совершаются человеком. Во-вторых, практический силлогизм начинается не с посылки в форме суждения, а с желания (в особом смысле слова «желание»), который мы поясним далее. Чтобы практическое рассуждение привело к действию, должно быть нечто, что человек желает достичь в своем действии, и наоборот, от действия мы должны иметь возможность заключить к желанию, которое направляло человека. Если от действия нельзя заключить к желанию, то действие не является намеренным. Стоит уточнить, что речь здесь идет не о неких физических событиях, ассоциируемых с действиями или желаниями, но с описаниями, в которых человек мыслит свои действия и желания. Поэтому объектом желания является не просто реальный объект, но описание, указывающее на объект (Anscombe, 2000: 66)⁵¹. Соответственно, если практическое рассуждение необходимо начинается с того, что человек желает, то оно начинается с некоторого описания желаемого⁵². Под желанием здесь имеется в виду не ощущение и не внутреннее переживание нужды в чем-либо. Данное желание (*wanting*) нельзя отождествлять с бездеятельным «хотением» (*wishing*). Признаками наличия желания в релевантном смысле⁵³ являются: 1) попытка достичь желаемого; 2) убеждение в наличии желаемого объекта (Anscombe, 2000: 70). Чтобы достичь желаемой цели человеку нужно покрыть некоторую дистанцию, которая отделяет его от нее. Это делается с помощью средств, которые ведут к цели. Намеренные действия собственно и являются средствами на пути достижения желанной цели.

Практическое знание возможно постольку, поскольку действие человека вписывается в соответствующую логику, частью которой является знание объекта

50. Под обоснованием здесь подразумевается не только и не столько сознательный процесс обоснования, сколько сама форма обоснования, которая применима к данному типу знания. Независимо от того, сознает ли человек эту форму актуально, он будет использовать ее, если такое обоснование потребуется.

51. Поскольку объектом желания является объект в описании, человек может направляться таким желанием, объект которого вообще не существует и даже никогда не существовал, о чем действующий, конечно, не знает.

52. Эта необходимость не является психологической, т. е. человек не должен сознавать свое желание или думать о нем. Здесь имеет место необходимость логическая, чтобы действие было мыслимо в структуре практического силлогизма, должно иметься нечто желаемое.

53. Т. е. в том смысле, который относится к желанию как элементу практического силлогизма.

желания, а также отношения цели и средства⁵⁴. Все три способа говорить о намерении встроены именно в эту логику. Выражая намерения, человек указывает некоторое описание действия, относительно которого можно поставить вопрос «Почему?». В ответ на вопрос «Почему?» можно указать намерение, с которым совершается действие. Намеренные действия будут образовывать этапы в достижении этой цели.

Соответствующая логика встроена в нас постольку, поскольку мы включены во множество форм деятельности, которые были бы немислимы вне этой логики. Такие описания действий, как «похвала», «оскорбление», «женитьба», «покупка», «уступка» и тысячи других, были бы невозможны, если бы соответствующего порядка, фиксируемого структурой практического силлогизма, не существовало. Ни одно донамеренное действие как таковое не является хвалением или продажей, таковым его делает контекст, а контекст этот структурирован соответствующей логикой, в которой произвол отдельного человека весьма ограничен, а многое определяется относительно устойчивой системой практик и конвенций, которые позволяют людям соотносить свои цели и средства.

Таким образом, исследование Энском обнаруживает, что понятие намерения является одним из наиболее фундаментальных понятий философии действия. Оно описывает некоторую базовую логику деятельности, которая имеет множество более частных форм и без которой они невозможны. Говоря о намерениях, мы сообщаем друг другу не о сокровенных глубинах своего внутреннего мира, но о месте наших действий в мире общем. Соответственно, анализ человеческой деятельности требует не особо тонкой формы интроспекции, но особой внимательности к тому, как устроена социальная реальность вокруг нас.

Заключение

Теория намеренного действия Энском постоянно балансирует на грани перехода к психологической интерпретации понятия намерения. Обсуждая выражения намерений, Энском подчеркивает, что это не выражения чего-то внутреннего, не сообщения о состояниях сознания человека. Говоря о намеренном действии, она показывает, что случаи ментальной причинности не имеют особого значения для понятия намеренного действия, и в лучшем случае ментальная причинность может иметь место в одном весьма узком классе намеренных действий. Рассматривая намерение, с которым совершается действие, она постоянно пытается показать, как контекст, множество фактов о прошлом, настоящем и будущем ограничивают возможность человека манипулировать своими намерениями. Обсуждая практиче-

54. Важно отметить, что Энском последовательно исключает менталистские толкования практического силлогизма: он не описывает некоторую последовательность мыслей, которая присутствует в сознании человека (Anscombe, 79–80). Человеку нет нужды «продумывать» практический силлогизм, чтобы действовать в соответствующей логике. Более того, необходимость такого продумывания сделала бы практическое рассуждение абсурдным: нам пришлось бы каждый раз строить огромные цепочки описаний, прежде чем начать что-то делать.

ское рассуждение, она указывает, что желание в практическом рассуждении не соответствует ощущению, а сам его порядок не соответствует психологическим состояниям действующего человека.

Однако здесь уместно поставить следующий вопрос: почему на каждом этапе исследования намеренного действия возникает искушение дать его психологическое истолкование? Энском указывает множество частных причин, однако имеет смысл поставить вопрос и относительно некоторого более общего основания таких устремлений. Простым ответом будет ссылка на реликты картезианской психологии: сохраняется некоторая инерция в философском мышлении. Однако эта гипотеза, как показало время, не оправдывает себя. Витгенштейн, Энском, Райл и Остин разгромили соответствующие реликты картезианского мифа, однако он вновь восстал. Сначала возникла теория Дэвидсона, в которой разница между ментальным и физическим сводится к разнице в описаниях, а самим описаниям соответствует некоторая единая субстанция. Однако затем пышным цветом расцвели разного рода дуалистические концепции, в которых дихотомия психического и физического вновь обосновывается на уровне онтологии. Следующим ответом могла быть статья чрезвычайная продуктивность соответствующего деления: оно позволяет поставить огромное количество вопросов, по поводу которых можно написать множество остроумных текстов. Наконец, можно было бы сказать, что неовитгенштейнианские подходы исключают возможность редукции намеренного действия к его физическому описанию и, таким образом, ставят проблему для некоторой программы по обоснованию единства научного знания.

Однако, как представляется, этими тремя вариантами горизонт осмысленных ответов на вопрос о живучести дуализма не ограничивается. Значительной проблемой неовитгенштейнианских подходов (или их интерпретаций) является попытка полностью устранить ментальное из объяснения действия. Однако именно в этом отношении теория Энском обладает некоторым выгодным отличием: Энском не устраняет ментальное из анализа действия, она просто показывает, что роль ментальной причинности при анализе наиболее интересующего нас класса действий, намеренных действий, чрезвычайно ограничена, а самое интересное происходит вовсе не в сознании и тем более не в мозге.

Литература

- Артемьева О. В. (2005). У истоков современной этики добродетели // *Этическая мысль*. № 6. С. 163–181.
- Витгенштейн Л. (1994). Философские исследования // *Витгенштейн Л. Философские работы*. Ч. 1 / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис. С. 74–319.
- Куренной В. (2008). *Этика добродетели: предисловие к публикации* // *Логос*. Т. 64. № 1. С. 59–69.

- Райл Г. (1999). Понятие сознания / Пер. с англ. Е. Крупениной и др. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
- Энском Г. Э. М. (2008). Современная моральная философия // Логос. Т. 64. № 1. С. 70–91.
- Anscombe G. E. M. (1958). *Modern Moral Philosophy* // *Philosophy*. Vol. 33. № 124. P. 1–19.
- Anscombe G. E. M. (1959). *An Introduction to Wittgenstein's Tractatus*. L.: Hutchinson.
- Anscombe G. E. M. (1981). *Collected Philosophical Papers*. Vol. 2: *Metaphysics and the Philosophy of Mind*. Oxford: Basil Blackwell.
- Anscombe G. E. M. (2000). *Intention*. Cambridge: Harvard University Press.
- Anscombe G. E. M. (2005). *Human Life, Action and Ethics*. Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M. (2008). *Faith in a Hard Ground: Essays on Religion, Philosophy and Ethics*. Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M. (2011). *From Plato to Wittgenstein*. Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M. (2015). *Language, Truth and Meaning*. Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M., Geach P. (1961). *Three Philosophers: Aristotle, Aquinas, Frege*. Oxford: Basil Blackwell.
- Austin J. L. (1957). *A Plea for Excuses* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 57. № 1. P. 1–30.
- Baker G. (2004). Wittgenstein on «Depth Grammar» // Baker G., Morris K. J. (eds.). *Wittgenstein's Method: Neglected Aspects*. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 73–91.
- Bayne S. R. (2010). *Elizabeth Anscombe's Intention*. Charleston: BookSurge.
- Besser-Jones L., Slote M. (eds.). (2015). *The Routledge Companion to Virtue Ethics*. L.: Routledge.
- D'Oro G., Sandis C. (2013). *From Anti-Causalism to Causalism and Back: A Century of the Reasons/Causes Debate* // D'Oro G., Sandis C. (eds.). *Reasons and Causes: Causalism and Non-causalism in the Philosophy of Action*. N. Y.: Palgrave Macmillan. P. 1–47.
- Danto A. (1965). *Basic Actions* // *American Philosophical Quarterly*. Vol. 2. № 2. P. 141–148.
- Davidson D. (1963). *Reasons, Causes and Actions* // *Journal of Philosophy*. Vol. 60. № 23. P. 685–700.
- Davidson D. (1973). *Freedom to Act* // Honderich T. (ed.). *Essays on Freedom of Action*. L.: Routledge. P. 137–156.
- Dray W. H. (1957). *Laws and Explanation in History*. Oxford: Clarendon Press.
- Dummett M. (2001). *Obituary of Elizabeth Anscombe* // *The Tablet*. 13 Jan.
- Foot F. (2001). *Obituary of Elizabeth Anscombe* // *Somerville College Review*. P. 119–120.
- Ford A., Hornsby J., Stoutland F. (eds.). (2011). *Essays on Anscombe's Intention*. Cambridge: Harvard University Press.
- Geach M. (2008) *Introduction* // Anscombe G. E. M. *Faith in a Hard Ground*. Exeter: Imprint Academic. P. viii–xxi.

- Geach M.* (2011). Introduction // *Anscombe G. E. M.* From Plato to Wittgenstein. Exeter: Imprint Academic. P. viii–xvii.
- Heath P. L.* (1960). Review: *Intention* by G. E. M. Anscombe (Oxford: Blackwell, 1957) // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 10. № 40. P. 281–282.
- Monk R.* (1990). Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius. L.: Jonathan Cape.
- Mothersill M.* (1962). Anscombe's Account of the Practical Syllogism // *The Philosophical Review*. Vol. 71. P. 448–461.
- O'Grady J.* (2001). Obituary: Elizabeth Anscombe // *Guardian*. URL: <http://guardian.co.uk/Archive/Article/0,4273,4115443,00.html> (дата доступа: 05.08.2017).
- Richter D.* (2011). Anscombe's Moral Philosophy. Plymouth: Lexington.
- Schwenkler J.* (2015). Understanding «Practical Knowledge» // *Philosophers' Imprint*. Vol. 15. № 15. P. 1–32.
- Scott M.* (1996). Wittgenstein's Philosophy of Action // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 46. № 184. P. 347–363.
- Searle J. R.* (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stoutland F.* (2011). Introduction: Anscombe's *Intention* in Context // *Ford A., Hornsby J., Stoutland F.* (eds.) *Essays on Anscombe's Intention*. Cambridge: Harvard University Press. P. 1–22.
- Teichmann R.* (2008). *The Philosophy of Elizabeth Anscombe*. Oxford: Oxford University Press.
- Thompson M.* (2008). *Life and Action: Elementary Structures of Practice and Practical Thought*. Cambridge: Harvard University Press.
- Vogler C.* (2001). Anscombe on Practical Inference // *Millgram E.* (ed.). *Varieties of Practical Reasoning*. Cambridge: MIT Press. P. 437–446.
- Winch P.* (1958). *The Idea of a Social Science*. L.: Routledge and Kegan Paul.
- Wiseman R.* (2016). *Routledge Philosophy Guidebook to Anscombe's Intention*. L.: Routledge.

The Concept of Intention in Anscombe's Philosophy of Action

Alexander Mishura

Candidate of Philosophy, Lecturer, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: alex.mishura@gmail.com

This article critically examines Elisabeth Anscombe's philosophy of action. Anscombe's theory of intentional action was presented in her monograph *Intention* (1957), which is now an acknowledged classic of analytic philosophy. *Intention* established the field of analytic philosophy

of action, defined the main problems of the field, and largely determined its further development. However, the study of Intention is complicated by the author's methodology, her writing style, and the lack of any kind of a clear summary of the results of her inquiry. The aim of this paper is to present Anscombe's theory of intentional action in a comprehensible way without oversimplifying her genuine thought. The first part of the paper contains some brief biographical information about Anscombe's life and philosophical development, the social and philosophical context of Intention, and its place in Anscombe's philosophy in general. The second part of the paper explains the basic structure of Intention, states its general task, presents the central line of reasoning and the main arguments, highlights the particular theses and questions that significantly influenced the development of the analytical philosophy of action. The resulting interpretation demonstrates that Anscombe's theory passes between the extremes of different versions of Cartesian dualism on the one hand, and the complete negation of the significance of the mental in the theory of action, on the other.

Keywords: Elisabeth Anscombe, philosophy of action, action, intention, intentional action

References

- Anscombe G. E. M. (1958) Modern Moral Philosophy. *Philosophy*, vol. 33, no 124, pp. 1–19.
- Anscombe G. E. M. (1959) *An Introduction to Wittgenstein's Tractatus*, London: Hutchinson.
- Anscombe G. E. M. (1981) *Collected Philosophical Papers, Vol. 2: Metaphysics and the Philosophy of Mind*, Oxford: Basil Blackwell.
- Anscombe G. E. M. (2000) *Intention*, Cambridge: Harvard University Press.
- Anscombe G. E. M. (2005) *Human Life, Action and Ethics*, Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M. (2008) *Faith in a Hard Ground: Essays on Religion, Philosophy and Ethics*, Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M. (2008) Sovremennaya moralnaya filosofiya [Contemporary Moral Philosophy]. *Logos*, vol. 64, no 1, pp. 70–91.
- Anscombe G. E. M. (2011) *From Plato to Wittgenstein*, Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M. (2015) *Language, Truth and Meaning*, Exeter: Imprint Academic.
- Anscombe G. E. M., Geach P. (1961) *Three Philosophers: Aristotle, Aquinas, Frege*, Oxford: Basil Blackwell.
- Artemieva O. (2005) U istokov sovremennoi etiki dobrodeteli [At the Roots of the Modern Ethics of Virtues]. *Eticheskaja mysl*, vol. 6, pp. 163–181.
- Austin J. L. (1957) A Plea for Excuses. *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 57, no 1, pp. 1–30.
- Baker G. (2004) Wittgenstein on "Depth Grammar". *Wittgenstein's Method: Neglected Aspects* (eds. K. J. Morris, G. Baker), Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 73–91.
- Bayne S.R. (2010) *Elizabeth Anscombe's Intention*, Charleston: BookSurge.
- Besser-Jones L., Slote M. (eds.) (2015) *The Routledge Companion to Virtue Ethics*, London: Routledge.
- D'Oro G., Sandis C. (2013) On Anti-Causalism to Causalism and Back: A Century of the Reasons/Causes Debate. *Reasons and Causes: Causalism and Non-causalism in the Philosophy of Action* (eds. G. D'Oro, C. Sandis), New York: Palgrave Macmillan, pp. 1–47.
- Danto A. (1965) Basic Actions. *American Philosophical Quarterly*, vol. 2, no 2, pp. 141–148.
- Davidson D. (1963) Reasons, Causes and Actions. *Journal of Philosophy*, vol. 60, no 23, pp. 685–700.
- Davidson D. (1973) Freedom to Act. *Essays on Freedom of Action* (ed. T. Honderich), London: Routledge, pp. 137–156.
- Dray W. H. (1957) *Laws and Explanation in History*, Oxford: Clarendon Press.
- Dummett M. (2001) Obituary of Elizabeth Anscombe. *The Tablet*, 13 January.
- Foot F. (2001) Obituary of Elizabeth Anscombe. *Somerville College Review*, pp. 119–120.
- Ford A., Hornsby J., Stoutland F. (eds.) (2011) *Essays on Anscombe's Intention*, Cambridge: Harvard University Press.
- Geach M. (2008) Introduction. Anscombe G. E. M., *Faith in a Hard Ground*, Exeter: Imprint Academic, pp. viii–xxi.
- Geach M. (2011) Introduction. Anscombe G. E. M., *From Plato to Wittgenstein*, Exeter: Imprint Academic, pp. viii–xvii.

- Heath P. L. (1960) Review: *Intention* by G. E. M. Anscombe (Oxford: Blackwell, 1957). *The Philosophical Quarterly*, vol. 10, no 40, pp. 281–282.
- Kurennoy V. (2008) Etika dobrodeteli: predislovie k publikatsii [The Ethics of Virtue: The preface to Publication]. *Logos*, vol. 64, no 1, pp. 59–69.
- Monk R. (1990) *Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius*, London: Jonathan Cape.
- Mothersill M. (1962) Anscombe's Account of the Practical Syllogism. *The Philosophical Review*, vol. 71, pp. 448–461.
- O'Grady J. (2001) Obituary: Elizabeth Anscombe. Available at: <http://guardian.co.uk/Archive/Article/0,4273,4115443,00.html> (accessed 5 August 2017)
- Richter D. (2011) *Anscombe's Moral Philosophy*, Plymouth: Lexington.
- Ryle G. (1999) *Ponyatie soznania* [The Concept of Mind], Moscow: Idea-Press, Dom intellektualnoi knigi.
- Schwenkler J. (2015) Understanding "Practical Knowledge". *Philosophers' Imprint*, vol. 15, no 15, pp. 1–32.
- Scott M. (1996) Wittgenstein's Philosophy of Action. *The Philosophical Quarterly*, vol. 46, no 184, pp. 347–363.
- Searle J. R. (1979) *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stoutland F. (2011) Introduction: Anscombe's *Intention* in Context. *Essays on Anscombe's Intention* (eds. A. Ford, J. Hornsby, F. Stoutland), Cambridge: Harvard University Press, pp. 1–22.
- Teichmann R. (2008) *The Philosophy of Elizabeth Anscombe*, Oxford: Oxford University Press.
- Thompson M. (2008) *Life and Action: Elementary Structures of Practice and Practical Thought*, Cambridge: Harvard University Press.
- Vogler C. (2001) Anscombe on Practical Inference. *Varieties of Practical Reasoning* (ed. E. Millgram), Cambridge: MIT Press, pp. 437–446.
- Winch P. (1958) *The Idea of a Social Science*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Wiseman R. (2016) *Routledge Philosophy Guidebook to Anscombe's Intention*, London: Routledge.
- Wittgenstein L. (1994) Filosofskie issledovaniia [Philosophical Investigation]. *Filosofskie raboty. Ch. 1* [Philosophical Works, Part 1], Moscow: Gnosis, pp. 74–319.